

Д.В. Марьин

Алтайский государственный университет

Эпистолярное творчество В.М. Шукшина

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты эпистолярного творчества известного русского писателя, актера и режиссера В.М. Шукшина. Автор обращается к вопросам хронологии, поэтики, языковых особенностей писем Шукшина, связи эпистолярия с социально-культурной обстановкой на фоне которой он создавался и с творчеством писателя в целом.

The article discusses the main aspects of epistolary art of the famous Russian writer, film director and actor V.M. Shukshin (1929–1974). The author deals with history, poetics, language features of Shukshin's letters, as well as links epistolary with a social and cultural environment in which it was created and writer's creative work as a whole.

Ключевые слова: русская литература, русский язык, эпистолярное творчество, В.М. Шукшин.

Russian literature, Russian language, epistolary art, V.M. Shukshin.

УДК: 882-6.

Контактная информация: Барнаул, ул. Димитрова, 66. АлтГУ, кафедра общего и исторического языкознания. Тел. (3852) 366379. E-mail: marin@filo.asu.ru.

Эпистолярное наследие В.М. Шукшина – наименее известная и недостаточно изученная часть творчества алтайского писателя. Прежде всего, это объясняется сравнительно небольшим объемом публикаций (см.: [Библиографический указатель, с. 30], а также [Шукшин, 1999]) и отсутствием до недавнего времени единой, целостной, хронологически выверенной подборки писем писателя. Публикация эпистолярного наследия Шукшина началась только после его смерти, при жизни писателя ни одно из писем не было напечатано. При этом оригиналы писем по-прежнему остаются малодоступными для исследователей. Все вышесказанное привело не только к практически полному отсутствию комментированных изданий писем В.М. Шукшина (как на исключение можно указать на: [Попова, 2008]), но и к незначительному объему исследовательской литературы по эпистолярно алтайского писателя. Не удивительно, что даже в трехтомном энциклопедическом словаре-справочнике «Творчество В.М. Шукшина» [Творчество В.М. Шукшина, 2004–2007] эпистолярное творчество писателя совершенно обойдено вниманием.

Между тем, письма ведущих литераторов эпохи отражают литературный и языковой социокультурный контекст своего времени, составляя при этом, как правило, существенный фрагмент творчества того или иного писателя. Письма могут рассматриваться в качестве концептуального эскорта или «эпистолярного конвоя» [Диброва, 2004, с. 383] творчества писателя. Итак, эпистолярный В.М. Шукшина может изучаться в аспекте отражения в нем фактов биографии (тем более, что Шукшин не вел личного дневника), истории создания и публикации отдельных произведений, а также философских, общественно-политических и эстетических воззрений алтайского писателя. Требуют глубокого и всестороннего исследования творческое поведение писателя в письмах, их языковые и ком-

позиционные особенности. Специального рассмотрения требует вопрос о том, какое место занимает эпистолярный жанр в творчестве Шукшина.

Вышедшее в 2009 г. новейшее восьмитомное собрание сочинений В.М. Шукшина впервые позволяет в достаточной мере описать эпистолярное наследие алтайского писателя. В восьмом томе собрания сочинений (редактором-составителем которого выступил автор данной статьи) [Шукшин, 2009, с. 196–277] представлена наиболее полная на сегодняшний день подборка писем, телеграмм и поздравительных открыток, написанных рукой В.М. Шукшина (всего 136). Данный эпистолярный корпус не только объединяет, собирает воедино уже имеющиеся разрозненные публикации писем писателя, но и представляет значительный набор еще неизвестных, ранее не публиковавшихся писем. Отсутствие такой единой подборки до сих пор затрудняло исследование эпистолярного наследия В.М. Шукшина. Кроме того, некоторые письма раньше печатались с купюрами, которые в данном издании составителем снимаются. Для писем, не имевших датировки, что крайне осложняло их описание и интерпретацию в контексте творчества писателя, дата написания восстановлена по содержанию и иным косвенным признакам. Таким образом, читатель впервые получил возможность познакомиться с эпистолярным наследием В.М. Шукшина в достаточно полном объеме и в хронологической последовательности, что позволяет в деталях представить не только важнейшие моменты биографии, но и духовной, и творческой эволюции писателя.

Эпистолярное наследие Шукшина охватывает двадцать пять лет жизни писателя (1949–1974) и насчитывает, по меньшей мере, около двухсот писем. Примерно четверть из них находится в частных архивах и пока недоступна для изучения. Первая проблема, с которой сталкивается исследователь эпистолярия В.М. Шукшина – *выбор основания для описания*. Можно указать на несколько возможных оснований для описания и презентации эпистолярного творчества Шукшина. В качестве такого основания могут выступать: *тематика писем* (искусство, семья, производственные вопросы, отдельные события и т. д.), *хронологический принцип* или, наконец, *принцип адресата*. Именно последнее основание следует признать наиболее рациональным для презентации эпистолярия алтайского писателя. По данному основанию эпистолярное наследие В.М. Шукшина может быть представлено в виде трех неравноценных по объему групп:

1) Письма к родным (матери – М.С. Куксиной, сестре – Н.М. Зиновьевой (Шукшиной), племянникам – Н.А. Мясниковой (Зиновьевой), С.А. Зиновьеву и др.);

2) Письма к друзьям и коллегам (И.П. Попову (И.П. Попов – троюродный брат писателя, но по тематике, стилистике письма к нему, должны быть отнесены к данной группе), В.И. Белову, Г.А. Горышину, Р.А. Григорьевой, В.Н. Виноградову, В.И. Фомину и др.);

3) Деловая переписка (письма в редакции СМИ и прочие организации, официальным лицам).

Каждая из групп обладает своей общностью тем, языковых особенностей.

Письма к родным составляют наибольшую часть эпистолярного наследия В.М. Шукшина. Письмом к М.С. Куксиной, датированным октябрём 1949 г., открывается корпус писем алтайского писателя, и к матери же обращено последнее в жизни Шукшина письмо, написанное 28 сентября 1974 г. Получено оно было М.С. Куксиной 2 октября – в день смерти сына.

Чрезвычайно важными в аспекте реконструкции духовной жизни и многих фактов биографии В.М. Шукшина конца 1940-х – начала 1950-х гг. (периода становления личности и формирования творческих взглядов будущего писателя) являются письма из т. н. «сростинского» архива. В 2002 г. в с. Сростки, на чердаке дома, в котором М.С. Куксина проживала в период с 1957 по 1963 гг., местными школьниками был обнаружен архив семьи Шукшиных 1940 – 1950-х гг., долгое

время считавшийся утраченным. В числе найденных документов – 13 писем В.М. Шукшина к матери периода флотской службы (из них 4 сохранились в виде фрагментов), 6 писем и один фрагмент письма к сестре – Н.М. Зиновьевой (Шукшиной), 3 письма к неизвестному адресату (сохранились частично) и одно письмо к И.П. Попову (сохранилось частично). Сотрудниками ВММЗ В.М. Шукшина (с. Сростки) проведены первичная очистка бумаги и расшифровка текстов. Однако плохая сохранность не позволила восстановить тексты писем полностью: безвозвратно утрачены некоторые слова, предложения и даже страницы [Попова, 2008, с. 106]. В составе восьмого тома Собрания сочинений опубликованы 15 наиболее полно сохранившихся писем к М.С. Куксиной и Н.М. Зиновьевой (Шукшиной) из состава «сростинского» архива [Шукшин, 2009, с. 196–209]. В 2008 г., специально для публикации в составе Собрания сочинений поклонником творчества алтайского писателя А.В. Новосельцевым (г. Елец) были переданы копии пяти писем В.М. Шукшина, оригиналы которых хранятся в личном архиве Р.А. и Ю.В. Григорьевых (г. Москва). Р.А. и Ю.В. Григорьевы – кинорежиссеры, друзья В.М. Шукшина, снявшиеся в х/ф «Живет такой парень» (1964), совместно поставившие по мотивам произведений В.М. Шукшина х/ф «Праздники детства» (1982, к/с им. М. Горького). Письма были обнаружены А.В. Новосельцевым в архиве Григорьевых в 2005 г. Они имеют плохую сохранность, часть текста утеряна безвозвратно. По словам Р.А. Григорьевой, В.М. Шукшин, не имея московской прописки и жилья в Москве (см. об этом: [Гришаев, 1994, с. 130]), некоторое время проживал в квартире Григорьевых в самом начале 1960-х гг. Очевидно, в один из приездов на Алтай, Шукшин забрал эти письма с собой в Москву, где они были оставлены (забыты?) среди прочих его вещей и пролежали у Григорьевых 45 лет. Письма из архива Р.А. и Ю.В. Григорьевых [Шукшин, 2009, с. 196–202] относятся к 1949–1951 гг., содержательно и хронологически дополняя письма из «сростинского» архива, частью которого они, по всей вероятности, и являлись когда-то. Именно письма вновь воссоединенного архива семьи Шукшиных и составляют основную долю новых, ранее не публиковавшихся писем, ставших, наконец, доступными широкому кругу исследователей. Письма охватывают период с октября 1949 г. (почти с начала срочной службы) до весны 1953 г. (в это время Шукшин, демобилизованный по состоянию здоровья из рядов ВМФ, готовился к сдаче экзаменов экстерном в Сростинской средней школе) и достаточно полно отражают мировоззрение В.М. Шукшина в этот период.

Прежде всего, обращает на себя внимание почти полное отсутствие информации о службе и собственной жизни, что некоторые исследователи объясняют тем, что «часть, где служил радиотелеграфист В. Шукшин, являлась режимной, и, естественно, рассказывать об этом не рекомендовалось» [Горбачев, 2009]. Однако главная причина, скорее всего, кроется во внутренних, психологических мотивах, определяющих поведение Шукшина в этот период. В одном из писем к сестре, написанном в декабре 1950 г., читаем: *«Однажды я поклялся никому и никогда (выделено Шукшиным – М.Д.) не рассказывать о себе. Смотри, я даже матери ничего не говорю. А знаешь, как это трудно. Она бедная уж и не спрашивает теперь»* [Шукшин, 2009, с. 200]. Очевидно, что именно в это время происходит становление личности Шукшина, формирование его жизненной позиции, в построении которой он сознательно пытался участвовать, «вырабатывал» в себе определенные черты характера. Отсюда и некоторый максимализм, и «философствование». *«Жизнь новая, невиданная, незнакомая развернулась перед глазами и полностью поглотила мое внимание. Сейчас как будто устоялось все и начинает давать знать о себе человеческая природа. Начинаю (только теперь, как ни странно) осмысливать, понимать в истинном смысле пройденный путь»* (Н.М. Зиновьевой от 27 марта 1951 г.) [Шукшин, 2009, с. 202]. В письмах периода флотской службы мы впервые встречаем тезис, ставший лозунгом всей последующей жизни В.М. Шукшина, нашедший отражение в публицистике и беллетри-

стике писателя: «...учиться необходимо, и не только потому, что в дальнейшем будет верный кусок хлеба, а потому, что знания вообще необходимы человеку, в полном значении этого слова» (М.С. Куксиной от 26 августа 1950 г.) [Шукшин, 2009, с. 198]. Именно из писем мы узнаем о планах Шукшина сдавать экстерном экзамены за курс средней школы (Н.М. Зиновьевой от 27 марта 1951 г.) [Там же, с. 202], о желании учиться серьезно в дальнейшем («Если не в институте, то, наверное, в техникуме» (Н.М. Зиновьевой, весна 1953 г.)) [Там же, с. 209].

То, что будет присуще письмам В.М. Шукшина к родным всегда, во все годы – искренний, глубокий интерес к жизни матери, сестры и племянников. Собственно, ранние письма периода флотской службы представляют собой подробные расспросы о близких и обсуждение событий в их жизни. Эта забота, постоянное беспокойство станут впоследствии обязательным качеством Шукшина-сына, Шукшина-брата, Шукшина-дяди (и крестного) в письмах к М.С. Куксиной, Н.М. Зиновьевой (Шукшиной), Н.А. и С.А. Зиновьевым. Особенно трогательным было отношение писателя к матери. «Мамочка, милая», «роднуленька моя хорошая», «родная ты наша», «милая моя мамочка» – так часто обращался В.М. Шукшин в письмах к М.С. Куксиной. Постоянно поддерживал словом, общался о посылках, денежных переводах, регулярно отправляемых на родину, советовал новые лекарства, и даже сам в одном из писем приводит рецепт народного средства «от давления» (М.С. Куксиной, апрель 1973 г.) [Там же, с. 258]. Часто просил мать не беспокоиться о его здоровье, бодрился даже в последнем своем письме: «Здоровье у меня – нормально. Вот увидишь в картине: я даже поправился. Все хорошо, родная» (М.С. Куксиной от 28 сентября 1974 г.) [Там же, с. 277]. С годами Шукшин стал более открытым и охотно сообщал в письмах о своих жизненных планах, работе, успехах и неудачах, часто рассказывал о семье. С большим удовольствием писал о детях – Екатерине, Ольге и Марии, нередко приводил в письмах какие-нибудь занимательные истории, связанные с дочерьми (см., например: [Там же, с. 242–243, 244–245, 266–267 и др.]).

Письма к друзьям и коллегам – не менее важная часть эпистолярного наследия В.М. Шукшина. Для этой группы текстов в большей мере характерны интерес к вопросам искусства, творчества, разговорный стиль, отсутствие установки на нормированный язык.

Цикл писем к И.П. Попову (8 писем) впервые публикуется в составе Собрания сочинений в наиболее полном виде. Отношения В.М. Шукшина и И.П. Попова были не только родственными, но и по-настоящему дружескими. И.П. Попов (1926–2007) – троюродный брат В.М. Шукшина, художник, долгое время жил и работал в Новосибирске. В переписке двух людей, жизнь которых неразрывно связана с творчеством, не могло не найти отражения обсуждение самого широкого спектра актуальных явлений, процессов в советском искусстве второй половины XX века. Уже в одном из первых писем к Попову, написанном в январе 1957 г. [Там же, с. 212–214], еще в бытность В.М. Шукшина студентом ВГИК, мы находим детальную критику будущим режиссером киноновинки – х/ф «Сорок первый» (1956) Г. Чухрая. Здесь формулируется принцип, который Шукшин в будущем положит в основу своего творчества: требование *правдивого героя*, героя, невыдуманного, взятого из жизни – обычного, простого человека (см. статью «Нравственность есть Правда»). Но в изображении таких «простых» людей, которыми был богат советский кинематограф, В.М. Шукшин видел много фальши: «Мы отказываем этим “простым” людям в уме, в сложной психологии и оставляем им лежащее наверху, вроде – “рыбьей холеры” и т. п. Забыли, что Чапаев, Максим – тоже были простые люди» (И.П. Попову, январь 1957 г.) [Шукшин, 2009, с. 213]. В письме от 12 ноября 1961 г. мы находим и более глобальное суждение о роли искусства, свидетельствующее о четкой гражданской позиции недавнего выпускника ВГИКа: «Много думаю о нашем деле и прихожу к выводу: никому, кроме искусства, до человека нет дела. Государству нужны

солдаты, рабочие, служащие... и т. д. И, чтоб был порядок. И все. А ведь люди должны быть добрыми. Кто же научит их этому, кроме искусства. Кто расскажет, что простой добрый человек гораздо интереснее и лучше, чем какой-нибудь дубина-генерал или высокостоящий чиновник» [Шукшин, 2009, с. 222]. Переписка В.М. Шукшина и И.П. Попова – разговор двух единомышленников, остро переживавших успехи и неудачи отечественного искусства.

Говоря о письмах к коллегам, нельзя не остановиться на письме В.М. Шукшина к Л.А. Новак (октябрь 1967 г.) [Там же, с. 241]. Л.А. Новак (р. 1924) – в 60–70-е гг. заведующая отделом досоветского периода, затем заместитель директора по научной работе Новочеркасского музея истории донского казачества, ставшая на многие годы консультантом писателя по разинской эпохе. Образ Разина владел писателем с детства, проявляясь в играх, разговорах с родными и товарищами, неотступно следовал за Шукшиным-режиссером, начиная с 1966 г. (первая заявка на литературный сценарий фильма о Разине) и до самого конца жизни (1 августа 1974 г. В.М. Шукшин из р.п. Клетский отправил телеграмму директору к/с «Мосфильм» Н.Т. Сизову с просьбой о начале работы по фильму о Разине [Там же, с. 274–275]). Анализ содержания письма позволяет представить с какой настойчивостью В.М. Шукшин вел поиски материала о Степане Разине, как с готовностью шел по любому следу, способному привести к новой информации о Разине и, возможно, новому восприятию образа легендарного казачьего атамана. Обращает на себя внимание рассказ Шукшина о поисках человека, приславшего в музей письмо с историей о якобы найденном им кладе, имеющем отношение к Степану Разину. Несмотря на скептическое отношение работников музея к этому письму, писатель не раздумывая загорелся идеей поиска клада. Эта «сверхчувствительность» Шукшина ко всему разинскому подтверждалась позже не раз и в других жизненных ситуациях. Фотокорреспондент ТАСС А. Ковтун, сопровождавший В.М. Шукшина во время его поездки на Дон на съемки фильма «Они сражались за Родину» в мае 1974 г., вспоминал об одном довольно характерном случае: «...В Клетском произошел забавный случай. В киоске я увидел марку, на которой был изображен бородатый крестьянин. Подписи на ней не было, а поскольку он был похож на Степана Разина, я предложил Ванину разыграть Шукшина, который как раз готовился к съемкам фильма “Степан Разин”. Вот, мол, Василий Макарович, фильм еще не снят, а марку уже выпустили. Розыгрыш сработал на сто процентов – реакция Шукшина была по-детски восторженной, а когда я, не выдержав, признался, что это шутка, Василий Макарович еще раз взглянул на марку и сказал: “А что, похоже!”» [Ковтун, 2004, с. 48]. Письмо к Л.А. Новак – одно из свидетельств того, как глубоко Шукшин вжил в образ своего героя, как серьезно работал над фактологической стороной эпопеи о Разине.

Деловая переписка представлена письмами В.М. Шукшина в редакции советских газет и журналов, известным работникам искусства и партийным деятелям. Как правило, содержание писем этой адресатной группы связано с конкретными текущими вопросами организационного, производственного характера и сводится к просьбе об оказании помощи в их решении. Например, в письме к министру внутренних дел СССР Н.А. Щёлокову В.М. Шукшин обращается с просьбой о разрешении проведения съемок некоторых сцен х/ф «Калина красная» в одном из исправительно-трудовых учреждений Подмосковья [Шукшин, 2009, с. 258]. В письме в редакцию журнала «Москва» писатель предлагает вариант авторской правки рассказа «Случай в ресторане» [Там же, с. 235] и т. д. Знакомство с текстами данной эпистолярной группы позволяет в ряде случаев в деталях увидеть процесс работы В.М. Шукшина над тем или иным кино- или литературным произведением, представить круг творческих и общественных связей писателя и режиссера. В языковом отношении стиль этих писем, как и принято для деловой переписки, приближен к официально-деловому. Еще одним, обращающим на себя

отличием деловых писем В.М. Шукшина от писем других групп, является их авторская датировка, так как в большинстве своем, письма Шукшина к родным и друзьям автором не датировались.

В свете вышесказанного *проблема датировки* писем Шукшина становится одной из важнейших при изучении эпистолярного наследия писателя. Знание истинной даты написания письма позволяет правильно встроить его в хронологию эпистолярия писателя и, как следствие, полнее и объективнее представить многие факты биографии В.М. Шукшина, эволюцию языка его творчества, в деталях восстановить ход работы над конкретным произведением. В тех случаях, когда авторская датировка отсутствует (а это касается большинства писем Шукшина), дату приходится определять по косвенным признакам: по почтовым отметкам на конвертах, по содержанию, по пометам, сделанным адресатом и др. Заметим, что установление даты написания по почтовым отметкам оправдывается далеко не всегда, так как данное письмо в условиях хранения в частном архиве может случайно оказаться в конверте от другого письма. Так, например, последнее письмо В.М. Шукшина к Л.Н. Федосеевой [Шукшин, 2009, с. 275], фотокопию которого вместе с конвертом в 2004 г. передал на хранение в фонды ВММЗ В.М. Шукшина (с. Сростки) А.Д. Заболоцкий, до недавнего времени неверно датировалось по почтовому штемпелю, указывавшему на 3 июня 1974 г. Однако проведенное в ходе подготовки к публикации в составе Собрания сочинений тщательное изучение содержания письма и сопоставление полученных данных с некоторыми фактами биографии писателя, членов его семьи, а также с воспоминаниями современников, выявило целый ряд анахронизмов, что позволило редактору-составителю восьмого тома указать на более позднее время написания письма – август 1974 г. Поскольку у подавляющего большинства писем Шукшина, находящихся в музейных и архивных фондах, конверты утрачены, то определение даты по почтовым отметкам является очень редкой процедурой. Установление даты написания письма по его содержанию – более частый прием, но, вместе с тем, и более условный, хотя в ряде случаев он позволяет определить время создания письма с точностью до дня. Так, например, в одном из недатированных писем В.М. Шукшина, адресованных матери – М.С. Куксиной, и без сомнения относящемся к апрелю 1974 г. (писатель именно в это время находился на лечении в санатории в Железноводске, о чем он и пишет в письме), мы встречаем следующую фразу: «*Сегодня пасха, Христос воскрес! Дай господи, здоровья тебе*» [Там же, с. 271–272]. В 1974 г. праздник Пасхи отмечался православной церковью 14 апреля, и, таким образом, становится возможным указать на точную дату написания данного письма. Значительную помощь в установлении времени создания письма оказывает рассмотрение его в контексте других писем, даты написания которых известны или могут быть определены с большой долей вероятности.

Некоторые письма, включенные в Собрание сочинений, по-прежнему нуждаются в уточнении даты их написания, которая редактором-составителем вследствие недостатка данных установлена условно в пределах месяца (см., например: [Там же, с. 199, 204, 206, 212 и др.], а иногда только сезона (весна, лето и т. д.) (см., например: [Там же, с. 196, 199, 252 и др.]). Это также относится к письмам В.М. Шукшина, которые либо по тем или иным причинам не вошли в Собрание сочинений, либо ранее не были известны исследователям и лишь недавно были опубликованы (см., например: [Овчинникова, 2009]).

Язык эпистолярных работ В.М. Шукшина ранее не попадал в фокус внимания исследователей творчества алтайского писателя. К числу языковых особенностей эпистолярия Шукшина относятся как многие явления, характерные для его беллетристики и публицистики (см. о языковых особенностях прозы писателя: [Творчество В.М. Шукшина, т. 1, 2004, с. 109–198]), так и оригинальные. На лексическом уровне языка писем кроме литературных элементов присутствуют: *диалектизмы* («Мы в долгу перед ней, *братка*», «Мы *обои* любим свою маму»

[Шукшин, 2009, с. 216, 201] и др.), *разговорные* элементы («*Этот человек не способен халтурить*», «*Задумал большую иштукенцию*» [Там же, с. 217, 216] и др.), *просторечие* – этот пласт велик («*Так что, катый, как теперь вы живете?*», «*...не было времени отписать*», «*Ну, пиши, браток*», «*Подарки ты мне отваливаешь, прямо купеческие*», «*стосковался по вас*», «*...и уже шел в ихний ЦДЛ*» [Там же, с. 208, 201, 214, 218, 196, 251] и др.), *оказионализмы* («*...они, кажется, замастерились*» [Там же, с. 216]), *устаревшие* и *книжные* элементы («*Напиши в Москву, ибо я здесь бываю*», «*Что же я могу, мама, сделать в ознаменование такого дня*» [Там же, с. 218, 196] и др.). Известно, что Шукшин отрицательно относился к обилию жаргонизмов в речи. В беседе «Литература и язык» (1967) читаем: «*И в матросах я был, – и там все нормально с языком. “Салага” еще нет-нет – выцелкнется со словом, но его тут же осадит тот, кто служит по четвертому году. Да он и промолчит в среде старших, это он с девушкой позволит себе “полундру” или “сачка”*» [Там же, с. 92]. И действительно, «с девушкой» – с Н.М. Зиновьевой, сестрой, матрос Шукшин позволил себе подобное «словцо» лишь однажды: «*Значит, хочу допустить себе небольшую “слабину” (на морском жаргоне)*» [Там же, с. 199]. Далее, по мере вовлечения в киносреду, в языке писем появляются специальные термины кинопроизводства («*Натура в Воронеже, до мая*», «*... прилетим на выбор натуры*», «*поставить картину на одной из студий*» [Там же, с. 217, 226, 216] и др.), есть и отдельные вкрапления уголовного жаргона («*...этих профурсеток*» [Там же, с. 260]). Однако общее количество жаргонизмов и специальных слов в лексике эпистолярия В.М. Шукшина невелико.

Исследователи языка прозы алтайского писателя отмечают, что «Шукшин почти не применяет грубой и грубовато-экспрессивной лексики» [Сухопаров, 1992, с. 192]. Это подтверждается и анализом языка эпистолярных работ. Во всем корпусе писем Шукшина зафиксированы лишь три единицы, относящиеся к сфере русского сквернословия: вульгарно-просторечное *пёрнуть* [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 171] («*Какой трудный путь надо было пройти, чтобы прийти туда, где живешь, и хотя бы пёрнуть или пройтись на руках – ты дома!! Никто не покосится*» (И.П. Попову от 12 ноября 1961 г.), [Шукшин, 2009, с. 221]); обценное *выебон* – дериват от *выёбываться* [Мокиенко, Никитина, 2008, с. 49] («*Чую здесь такую мякоть русскую, выебон наш русский...*» (В.Н. Виноградову, июнь 1972 г.), [Шукшин, 2009, с. 254]); грубо-просторечное *отрезать яйца* [Буй, 2005, с. 294] («*Так что сделано много, только что яйца не отрезал казачьему атаману*») (Н.Н. Яновскому от 1 октября 1970 г.) [Шукшин, 2009, с. 246]). Заметим, что подобные вольности Шукшин позволял себе крайне редко, исключительно в письмах к друзьям и коллегам (т. е. в предельно ограниченной сфере коммуникации) и никогда не злоупотреблял данными средствами экспрессии.

Для языка эпистолярных работ Шукшина характерно активное использование фразеологических единиц (ФЕ) разной стилистической маркированности: *литературных* («*...верный кусок хлеба*», «*И 53 год не за горами*», «*Я чуть не умер со смеху*», «*...и с институтом – пахнет порохом*», «*они к нашей картине приложили руку тоже*» [Там же, с. 198, 201, 206, 214, 216] и др.), *просторечных* («*Ну и хрен с ним*», «*...шут с ними*» [Там же, с. 214, 250] и др.), *оказиональных* («*...прекрасное своей “земляной” правдой*» [Там же, с. 216] и др.). В ряде случаев писатель использует пословицы («*Лейтмотивом своей жизни я сделаю пословицу: “долг платежом красен”*» [Там же, с. 205], поговорки («*С паршивой овцы...*», «*Но лиха беда начало*» [Там же, с. 250, 251] и др.), а также крылатые выражения и цитаты из классических произведений литературы («*Ну-с... Еще одно последнее сказанье...*», «*А потом: “Шел в комнату, попал в другую”*» [Там же, с. 217, 239]).

Морфологический уровень языка эпистолярия В.М. Шукшина характеризуется следующими явлениями. Прежде всего, это *активное употребление глаголов*

(«*Завтра пойду в город, получу*», «*Получил твое письмо. Прочитал, перечитал... Задумался*», «*Сам измучился и вас всех измучил своими обещаниями приехать*», «*Послал вам 100 рублей. Получите, отпишите*» [Шукшин, 2009, с. 207, 216, 252, 247] и др.). Простые предложения с двумя и более глаголами, причем, в роли разных членов предложения, встречаются довольно часто. Следующей яркой языковой особенностью писем В.М. Шукшина является широкое использование деминутивов (*лобик, шрамик, ребятишки здоровеньки, многонько, телеграммку, деньжонок, коротенькое письмецо, домик, человечек, давненько* и др. [Там же, с. 267, 243, 260, 259, 276, 271]). Эта особенность свойственна, главным образом, письмам Шукшина к родным (М.С. Куксиной, Н.М. Зиновьевой, Е.В. Шукшиной) и почти не проявляется в письмах других адресатных групп. Еще одна характерная черта языка шукшинских писем – *измененная форма имени* при обращении к адресату («*Белович*», «*Васюха*» – к В.И. Белову, «*Катюня*», «*Катёнок*» – к Е.В. Шукшиной, «*Таля*» – к Н.В. Зиновьевой, «*Глебович*», «*Глебушка*» – к Г.А. Горышину, «*Сергуня*» – к С.А. Зиновьеву, «*Оля-ля*» – к О.В. Шукшиной) [Там же, с. 240, 250, 266, 231, 265, 257, 229, 236, 262, 244]). В качестве четвертой яркой особенности морфологического уровня языка эпистолярия В.М. Шукшина следует указать на *нарушение грамматической правильности форм падежа и числа* («*Ты вот там в Вариавках...*», «*“Жизню” надо будет круто менять*» и др. [Там же, с. 236, 230]). Подобные нарушения делались писателем намеренно и выполняют экспрессивную функцию. Обращает на себя внимание достаточно частое употребление автором формы *звательного падежа* в обращении к близким друзьям: И.П. Попову, В.И. Белову и Г.А. Горышину («*Как твои дела, брате?*», «*Друже, надо мне знать, в каком состоянии твой сценарий*», «*Дай бог тебе здоровья, друже!*» и т. д. [Там же, с. 214, 239, 234]). Ранее в рассказах писателя уже отмечалось использование т. н. «нового звательного» – усеченной формы именительного падежа личных имен (*Валерк! Сергунь!* и пр.), применяемой в обращении [Пронищев, 1992, с. 182]. Здесь же, в эпистолярных работах, мы встречаемся с *древнерусскими* формами звательного падежа нарицательных существительных, образованными в полном соответствии с правилами грамматики. Традиционные формы вокатива встречаются в художественной прозе Шукшина очень редко, например, в романе «*Я пришел дать вам волю*» (*отче*), рассказе «*Два письма*» (*друзе*). Эти, безусловно, книжные элементы, в письмах используются в обращении только к ближайшим друзьям и служат показателем уважения к адресату.

Для *синтаксического* уровня языка эпистолярия Шукшина в целом характерно преобладание простого предложения над сложным, глагольным над именным. При этом простые предложения в тексте могут составлять целые периоды («*Посылку и деньги не посылай. Я ни в чем не нуждаюсь. Будь здорова, моя милая. Что нового там у вас? Почему ты опять печи переделываешь? До свидания*» (к М.С. Куксиной, мая 1952 г.) [Шукшин, 2009, с. 207]). Значительное место занимают односоставные предложения («*Курносые поздравили меня с праздником. Вот догадливые!*», «*Здоровье отличное. Празднуем сейчас*», «*Как живешь? Работатца?*», «*Знаешь... Вот послушай*», «*Давай купим! Очень хочется*», «*Сценарий-то... Вот как. Ну, черт с ними!*» и др. [Там же, с. 204, 247, 210, 271, 265]), а также эллиптические конструкции («*Вите Астафьеву – привет*», «*Надо прислать. Если нет, когда будет – сразу*», «*Жму руку!*», «*Вечерами дома*» и др. [Там же, с. 239, 265, 264, 254]).

Среди приемов, организующих художественно-речевую структуру эпистолярных работ В.М. Шукшина следует отметить, прежде всего: собственно диалог («*Сели они там обедать в ресторане. «Товарищи! – говорит Оля всем громко, – Давайте все вместе крикнем: «Елочка, зажгись!». Над ней там покатывались. А Машиа стесняется, краснеет и говорит: «Мама, ну что она делает-то!». А что ты с ней сделаешь? Увидела какого-то мужика в трамвае подвытывшего и пристала к нему: «Ты водку любишь?». Тот – туда, сюда – «Да так, мол, по празд-*

никам...» – «А чего от тебя пахнет?» и др.) (М.С. Куксиной, январь, 1973 г.) [Шукшин, 2009, с. 256], диалогизацию («Ты упрекаешь меня мама в том, что я так долго не говорил своего адреса. Даже говоришь так: “неужели тебе неинтересно знать, родная мать жива или нет”. Мама, ты в самом деле так думаешь?» и др.) (М.С. Куксиной, весна 1950 г.) [Там же, с. 196], повтор («Жди меня, не скучай, береги здоровье. Еще раз: береги здоровье! – [оно] самое ценное и необходимое для человека» и др.) (М.С. Куксиной, май 1952 г.) [Там же, с. 207], антитезу («Есть к тебе одна великая просьба: мне нужен учебник по русскому яз.[ыку]... Еще одна просьба к тебе (не великая): вышли, если знаешь, адрес К[...]ной Валентины» и др.) (Н.В. Зиновьевой от 27 марта 1951) [Там же, с. 202], градация (чаще двух- или трехчленная) («Жизнь новая, невиданная, незнакомая развернулась перед глазами», «это слишком красиво, сказочно красиво», «экзамены, экзамены... много экзаменов») [Там же, с. 202, 213, 216].

Приведенные примеры, на наш взгляд, демонстрируют сложный характер языка эпистолярия В.М. Шукшина и указывают на необходимость его детального исследования.

Эпистолярный жанр довольно широко используется в художественном творчестве Шукшина: это и отдельные письма его героев (рассказы «Сельские жители», «Змеиный яд», «Земляки», «Чудик», киноповесть «Печки-лавочки» и др.), и произведения, выдержанные в эпистолярной форме (рассказы «Письмо», «Письмо любимой», Два письма). При этом в структуре произведения письмо может выполнять разные функции. Так, например, в рассказах «Сельские жители», «Змеиный яд» отрывки из писем вводятся Шукшиным уже в начале и создают, таким образом, завязку действия и основу композиции произведения. В киноповести «Печки-лавочки» три письма Ивана Расторгуева представляют собой последовательный комментарий персонажа к авторскому повествованию и, вместе с тем, вскрывают новые психологические черты героя.

Таким образом, значительный объем материала, достаточно широкая тематика, оригинальный набор языковых средств и воздействие на формальное и композиционное строение художественных произведений позволяют говорить об особом – эпистолярном – жанре в творчестве В.М. Шукшина. Исследование эпистолярия алтайского писателя – одна из актуальных задач шукшиноведения.

Литература

- Буй В. Русская заветная идиоматика. Веселый словарь народных выражений. М., 2005.
- Василий Макарович Шукшин (1929–1974). Библиографический указатель. Барнаул, 1994.
- Горбачев С. Макарыч с «крейсера» Лукомский // Черноморец. 2009. № 1. С. 3.
- Гришаев В.Ф. Шукшин. Сростки. Пикет. Барнаул, 1994.
- Диброва Е.И. Эпистолярный конвой // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. М., 2004. С. 383–396.
- Ковтун А. Время Шукшина [Альбом]. Б/м, 2004.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М., 2008.
- Овчинникова О.С. Слово о матери В.М. Шукшина // Вестник университета. 20 июля 2009 г. С. 3.
- Проничев В.Н. «Новый звательный» в рассказах В.М. Шукшина // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество. Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Барнаул, 1992. Вып. 2. С. 182–184.

Сухопаров И.Д. Внелитературная лексика в произведениях Шукшина // В.М. Шукшин. Жизнь и творчество. Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая. Барнаул, 1992. Вып. 2. С. 191–193.

Творчество В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Т. 1–3. / Науч. ред. А.А. Чувакин. Барнаул, 2004–2007.

Попова Т.Н. Неизвестные письма В.М. Шукшина // Шукшинский вестник. Сростки, 2008. Вып. 2. С. 105–111.

Шукшин В.М. Надеюсь и верую: Рассказы. Киноповесть «Калина красная». Письма. Воспоминания. М., 1999. С. 323–418.

Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 8 т. / Под общ. ред. О.Г. Левашовой. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения / Под ред. Д.В. Марьина. Барнаул, 2009.